

МИХАИЛ ДОЛЬСКИЙ

НАСТОЯЩАЯ его жизнь в театре началась тогда, когда его настоящая жизнь была уже на ущербе.

Он полностью нашел себя, свой репертуар, своих героев, и публика открыла его — большого, искреннего, самобытного актера, — когда густо наложенные гримировальные краски уже не могли скрыть двух зловещих пунцовых пятен на щеках.

Они съели его в тридцать лет. Для театра и того раньше — в двадцать восемь.

А ведь попервоначально жизнь как будто улыбалась ему. Он родился в благополучной дворянской семье, в Пазловске, в 1871 году. Отец его был гвардии поручик, и по стародавней дворянской традиции сын пошел по стопам родителя.

Он был определен во Второй кадетский корпус. Корпусная повседневность была подчинена строгой заданности, управляемая неумолимыми строевыми офицерами. И быт корпуса напоминал скорее «исправительное» заведение...

Среди шагистики, муштры, тугой зубрежки и диких бурсачьих нравов радужными светлячками бывали устраиваемые в домах богатых воспитанников любительские спектакли и, конечно, ежегодные концерты, даваемые силами учащихся.

К сожалению, мы ничего не знаем о ранних годах нашего героя. Но то, что мы знаем о нем в дальнейшем, позволяет вступить в область вероятных, более того — сбыточных предположений. Ни минуты не сомневаюсь, что он был непременно участником как домашних спектаклей, так и корпусных концертов.

И вот ему стукнуло семнадцать лет. В 1888 году он прибыл на летние вакации в родной Павловск. И надо же было так случиться, что именно в это самое лето петербургская антрепренерша В. Линская-Неметти основала тут свой опереточный театр. И юный кадет постучал в дверь нового театра, и дверь эта была ему отворена.

Что, однако, интересно: когда десять лет спустя бывший кадет уже известным актером играл в Павловске, а его первая директриса отмечала десятилетие своей антрепризы, он так и не появился в своей alma mater. Почему? Оставим пока разговор на этом спуске.

Какие душевные смуты сотрясали молодого человека, сколько звезд пересчитал он в бессонные летние ночи, какие семейные сцены пришлось ему выдерживать? Мы знаем только то, что в корпус он не вернулся.

Первый крутой жизненный поворот был совершен. Звучная дворянская фамилия Вакуловский-Дошинский была забыта раз и навсегда. Вместо нее появилась не менее звучная актерская — Михайлович-Дольский.

Но вот второй поворот был уже опасным. То ли желая пролить пребывание в родных местах, то ли сознавая свою полную неопытность для того, чтобы отдать себя в обделительные руки провинциальных антрепренеров, а может быть, и то и другое, но Михаил Дольский не покинул Петербург и стал играть по клубам.

Еще лет пятнадцать тому назад такое решение начинающего служителя Мельпомены можно было бы только приветствовать. Частные сцены шестидесятых—семидесятых годов — прелюбопытная, но, увы, не изученная ветвь столичной театральной действительности. Они имели постоянные труппы, состоявшие частью из способной провинциальной молодежи, жаждавшей быть замеченной петербургскими театрами, частью из любителей, подлинных фанатиков драматического искусства.

Но к концу восьмидесятых годов частные сцены выродились в откровенную халтуру. Постоянных трупп уже не было. Спектакли наспех, с одной, в то и вовсе без репетиций составлялись из теживших свое самолюбие «любителей» и потерянных, горемычных, полуголодных актеров, готовых за три цelloковых разовых играть где угодно, что угодно и с кем угодно.

Но Дольский, как выяснилось, оказался человеком с характером, его карьера, писал критик, «была отмечена упорным, сознательным и просвещенным трудом».

Решение воспоследовало правильное и самое благовременное. Он послал прощальный привет северной столице и целиком окупнулся в беспокойное, туманное, чреватое неизведанными опасностями море театральной провинции.

Но в отличие от подавляющего большинства провинциальных актеров, которых судьба, случай или злой рок заставляли бороздить из конца в конец лицо земли российской, «география» Дольского очень замкнута — в ней всего три «массива»: матушка Волга — от Ярославля до Астрахани, Северо-Западный край — пять сезонов в Могилеве и Вильно, и летом — милые сердцу, щемяще волнующие, всевластно манящие петербургские пригороды, куда он заглядывал иной раз, чтобы сыграть один всего спектакль.

И вот он в вагоне поезда железной дороги. Конечная остановка — Симбирск, место первого его актерского пристанища. Воспользуемся моментом и приглядимся к нему попристальнее.

Это очень симпатичный, приветливый, общительный, но и стыдливо-застенчивый юноша. Он среднего роста, довольно худощав, но строен и изящен, как и подобает человеку, готовившемуся горделиво гарцевать на плацу. Он очевидно некрасив. Черты его лица неправильны и резки: у него широкий

крупный нос, чересчур, пожалуй, большой рот, тяжелый лоб. И все-таки от лица его нельзя оторвать глаз. И они невольно устремляются в его громадные, бездонные, сине-серые глаза, горящие каким-то нездешним огнем. Пройдет всего несколько лет, и беспокойный, фосфорический блеск, какой примет эти глаза, первый выдаст его роковой недуг...

Начальные сценические шаги Михаила Дольского были определены не умом, не сердцем, не призванием, не стремлениями. Их направляла сама природа. Антрепренерам плевать было на то, кем актер будет завтра. Они жили только сегодня. И что им за печаль, если

у молодого исполнителя есть свои мечты и надежды, когда у молодого исполнителя сонный, плавный льющийся, приятного тембра голос, непринужденные, «развязные» как тогда говорили (то есть свободные), манеры, неподдельная веселость и комедийный задор. И вот наряду с ролями вторых любовников, фатов, простаков, резюнеров Дольский пленяет слушателей красноречивыми диалогами и дуэтами в «Цыганском бароне» и «Нищем студенте», «Красном солнышке» и «Зеленом острове», «Корневильских колоколах» и «Лисе Патрикеевне» (так в русской передаче называлась «Мадемуазель Нитуш»). И, натурально, в бесчисленных водевилей, Сету на падность зрителей на оперетки, ярославский рецензент тем не менее признает: «А, как хотите, опять скажем, — премилый, пресимпатичный и прекрасный исполнитель г. Дольский!».

Особенно хорошо артист был в дуэтах с В. Ф. Комиссаржевской в Озерках и с оборотливой, игривой, голосистой В. А. Ланиной в Ярославле. Перед Дольским отирывался легкий, ушатанный путь баловня зрителей, благо голос у него был действительно незаурядный. Когда в 1894 году в Ярославль приехала группа оперных певцов, Дольский, помогая им, спел труднейший пролог к «Паяцам» Леонкавалло да еще и бисировал его!

И все-таки «настоящий» Дольский был впереди — это чувствовали и сам артист, и наиболее чуткие зрители. После сильных драматических ролей Жоржа в «Злобе дня» Н. Потехина и Степана в инсценировке «Господ Головлевых» могилевский корреспондент «Театральной библиотеки» прямо говорил: «Г. Михайлович-Дольский хорош и как опереточный баритон. Но мы бы посоветовали ему оставить оперетку и отдать все силы драме».

В этом смысле чрезвычайно показательны два его ярославских сезона. В уже упомянутом редкий спектакль не завершался тем, чтобы Ланина и Дольский не резвились в каких-нибудь «Цыганских песнях в лицах», «Волшебном вальсе», «Гамлете Сидоровиче и Офелии Кузьминичне».

Но это при том, что до того были «серьезная» драма или комедия, и тут Дольский переиграл множество ролей. Три из них, смею полагать, имели для него особое значение: Владимир в «Гузере» В. Дьяченко, Карандышев в «Бесприданнице» и Бен Иохан в «Уриеле Акосте». Дело в том, что роли (соответственно) Дорси, Паратова и Акосты в этих спектаклях играл известный актер-любитель К. С.

Станиславский», и молодой, только еще смутно угадывавший свое место в искусстве актер не мог не испытать могучего воздействия будущего реформатора русского театра. И когда после трех сезонов в Вильно в блестящей незлобинской труппе Дольский вновь очутился в Ярославле, он не сыграл там ни одного водевиля и ни одной оперетки. Убежден, это было обусловлено контрактом. Легкий жанр растаял в дымке прошлого.

Вот почему в юбилейные дни оперетки Неметти в Павловске Дольскому там делать было нечего. Как модно ныне выражаться, поезд ушел...

Непостижимые виды открываются перед тем, кто вступает в леса театроведения!

Люди, имевшим возможность сравнить и — добавлю — имевшим интерес сравнивать, и в голову не приходило проводить какую бы то ни было параллель между М. М. Дольским и П. И. Орленевым. А вот люди, не видевшие ни того и ни другого, не мыслят себе упоминание нашего героя без сопоставления двух актеров. В тех нескольких абзацах, посвященных Дольскому в нашей театроведческой литературе, его иначе, как эпитетом Орленева, не называют.

Эпитет... Они были почти ровесники. Но когда Орленев занимал ампула номина и сильные роли перепали ему в качестве «премиальных», Дольский уже несколько сезонов играл Ивана в чеховской пьесе да практически весь тогдашний драматический репертуар.

Орленева и Чехова сближала взаимная личная симпатия, но драматургия Чехова прошла мимо Орленева. Чехов не знал Дольского, но молодой актер прошел в содружестве чеховских героев всю свою недолгую жизнь.

Тан, 30 июля 1898 года в свой бенефис с разрешения Чехова он ставит в Павловске «Дядю Ваню», «нервно и горячо» сыграв Астрова.

Но даже и тогда, когда оба актера играли одну и ту же роль, это были художники решительно несхожего взгляда на вещи. Одним из первых драматических образов Орленева был Сергей в модной в те годы пьесе «Ложь» Е. Зеланд-Дуббельт, и он разнервусился всюю, проведя сцену сумасшествия, по собственному признанию, в тонах «сплошной неврастности». «Очень симпатичный и мягкий актер, безо всякого ложного пафоса и с прекрасным голосом», — отмечал критик выступление в той же роли Дольского.

Сохранилось, кажется, единственное непосредственное сравнение двух актеров в одной из их коронных ролей. Саратовский рецензент подряд видел исполнение «Преступления и наказания»: «...г. Михайлович-Дольский в Раскольниково дает цельную фигуру. Тон более выдержанный и нет той склонности к эффектным переходам от шепота к крику и обратно, какую проявил перед нами г. Орленев».

Нет, я нисколько не вознамерился бросить хоть блеклую тень на великого актера. Но Орленева мы знаем довольно, о Дольском же в основном сохранились лишь летучие заметки в повременных изданиях. И потому даже сопоставление приблизительное позволит чуть лучше разглядеть артистическое лицо нашего героя.

Раскольников, Мышкин, царь Федор Иоаннович стали вершинами созданий артиста, когда исход его болезни ни у кого не вызвал сомнения. Дольский мужественно встречал неизбежное. Он играл много, жадно, самозабвенно, истово, каждым спектаклем отрывая кусочек жизни, которой и оставалось-то всего ничего. «Умирало тело, но талант его не сдавался, — вспоминал современник. — Он горел еще ярче, чем в то время, когда он был силен и здоров».

И сгорел, как хворост на ветру.

Что осталось от него? Миражи. Забвение. Все испепелено. Обычный удел замечательных провинциальных актеров, если удача или случай не забрасывали их хоть на год-другой на столичные подмошки.

Так пусть эти беглые строки будут скромным венком на могиле того, кто мог стать гордостью и украшением русской сцены, если бы в урну судьбы не был брошен иной жребий.

Андрей ДЬЯКОНОВ